

Оглавление

Предисловие 5
От автора 10
Глава 1 12
Глава 2 26
Глава 3 49
Глава 4 61
Глава 5 68
Глава 6 88
Глава 7 112
Глава 8 131
Глава 9 156
Глава 10 172
Глава 11 192
Глава 12 204
Глава 13 214
Глава 14 224
Глава 15 241
Глава 16 264
Глава 17 282
Глава 18 292
Глава 19 316
Глава 20 337
Глава 21 355
Глава 22 375
Глава 23 384
Глава 24 402
Глава 25 407

Предисловие

Положение внучатой племянницы Эдны Фербер обязывало. Мне полагалось прочитать как можно больше ее произведений и как можно раньше. В возрасте одиннадцати лет меня отправили в летний лагерь, снабдив романами «Большущий», «Плавучий театр» и «Симаррон». Пока мои соседки по лагерной спальне читали детективы Нэнси Дрю, я окунулась в то, чему предстояло стать моим наследием, и страстно увлеклась им.

Я проглотила «Симаррон» в один присест, и он меня невероятно взволновал. Образ героини Сабры, бережно поддерживающей голову своего раненого мужа Янси Крэвата, глубоко запечатлелся в моем неискушенном подростковом сердце. Слова, которыми живописала Фербер, воплощались в образы, которые я могла увидеть и прочувствовать. И до чего же я обрадовалась, с удивлением обнаружив, что моя уважаемая родственница стала моей любимой писательницей. Вскоре эти книги уже читала запоем вся наша спальня, а потом и соседняя. Героев «Тайны старого дуба» оттеснили Сабра Крэват, Селина Пикде Йонг («Большущий») и Магнолия Равенель («Плавучий театр»).

В сюжете «Симаррона» и освоении территории Оклахомы — от земельной гонки до нефтяных фонтанов — оживает история. Фербер считала, что основной посыл

этой книги, написанной в 1929-м и опубликованной в 1930 году, был понят превратно. «Я горько разочаровалась, — говорила она. — «Симаррон» был написан с четкой и безжалостной целью. Он являет собой неприглядную картину, известную как американская сентиментальность и жизнь американских женщин. Целые абзацы и даже главы здесь наполнены сатирой и, увы, горечью, но вряд ли найдется больше дюжины тех, кто вообще понял это. Все критики и сотни тысяч читателей восприняли «Симаррон» как красочный и романтичный американский роман-вестерн».

Однако большой поклонник Фербер Редьярд Киплинг разочарован не был. «Это серьезная работа, и атмосфера чертовски удачна. По-моему, она набирает обороты», — писал он издателю Фербер Нелсону Даблдею.

К созданию романа Фербер побудил ее коллега, Уильям Аллен Уайт, известный редактор «Emporia Gazette», которого она считала родным отцом своей книги. Накануне осенью он поездил по Оклахоме на автомобиле и вернулся с рассказами о временах открытия Территории для заселения, обнаружения на ней нефти, а также об индейцах, «с которыми белые обошлись так бесчестно и которые были отомщены с таким юмором, когда на землях засушливой индейской резервации, куда их согнали, обнаружились обширные месторождения нефти». Эта двойственность не укладывалась у Фербер в голове: «Индейцы-осейджи в одеялах и косах разъезжают на автомобилях «пирс-эрроу»! Индейские миллионеры живут в вигвамах!» Но когда Уайт предложил ей написать об этом роман, она заколебалась, считая изложение истории Оклахомы мужской работой, однако все же решила, что не прочь «увидеть штат глазами туриста».

Она отправилась туда вместе с Уайтами, а спустя неделю они оставили ее там — «хлюпать по грязи на нефтепромыслах, жить в роскошных отелях-небоскребах, беседовать со старожилами, участвовавшими в Земельной гонке 80-х годов XIX века, посиживать в креслах-качалках на сотнях передних веранд и слушать невероятные, но правдивые повествования, ужинать в немыслимых дворцах белых нефтяных миллионеров. Это распаляло, раздражало, увлекало, казалось нескончаемым — это был «Симаррон».

Гораздо позднее, уже после того, как роман был опубликован и удостоился похвал, Фербер считала его одной из лучших своих работ — как и Кларк Гейбл, который написал ей: «С искренней признательностью хочу поблагодарить вас за «Симаррон». Будь среди нас больше людей с «Симарроном» в сердце и памяти, мы жили бы в более счастливой стране».

По «Симаррону» сняты два кинофильма: первый на студии RKO в 1931 году, с Ричардом Диксом и Айрин Данн в главных ролях, второй — на MGM в 1960 году, с Гленном Фордом и Марией Шелл. От обоих Фербер была отнюдь не в восторге, однако газета «Variety», эта библия шоу-бизнеса, разрекламировала и тот и другой, назвав версию 1931 года наглядным примером высококлассного кинопроизводства и крупнобюджетной картины. «Этот зрелищный вестерн выделяется из общего ряда. В нем есть действие, чувства, сострадание, трепет и комедия, причем стопроцентной чистоты». В 1959 году та же газета опубликовала восторженное переосмысление: «Роман Эдны Фербер о первых Земельных гонках в Оклахоме (1889) в своей второй экранизации обрел более совершенную форму... Эта картина без лишних церемоний делает акцент на алчности, которую обнару-

жение черного золота пробудило в пионерах, попавших из грязи в князи... Это в высшей степени масштабный экшен». Фербер благосклонно приняла первую экранизацию, устроив в ее честь маленький салют по дороге в банк после того, как получила телеграмму о кассовых сборах фильма: «ПУСТЬ ВАМ ХВАТИТ НА ПОКУПКУ МНОЖЕСТВА ФРЕЗИЙ» (ее любимых цветов).

На протяжении всей жизни Фербер ее интеллектуальная собственность перерабатывалась, перепродавалась, подавалась в новой обертке, но редко подвергалась переоценке. Ни в финансовом, ни в эмоциональном отношении она так и не поставила на этом романе крест и всегда надеялась на возрождение, новые аплодисменты публики и новый спрос на рынке, сопровождающийся наградами. В 1967 году агентство «Ashley Famous» вело переговоры о продаже экранизированного MGM «Симаррона» 1960 года на телевидение. Третьего сентября 1967 года Фербер увидела в телевизионной рубрике «New York Times» большой снимок какого-то мужчины в шляпе-стетсоне и подпись: «Симаррон-Стрип»: маршал США Стюарт Уитмен стремится поддерживать закон и порядок в Канзасе в беспокойные 1880-е годы... На канале CBS по четвергам, в 7:30».

Почуяв опасность, Фербер вырезала снимок, обозначив похожими на кинжалы стрелками голову актера Уитмена и заголовок «Симаррон-Стрип», и отправила его в агентство «Ashley Famous», которое горячо заверило ее, что эта передача ни в коей мере не повлияет на кассовые сборы кинофильма по ее роману.

Эдна Фербер всегда с предельной ясностью заявляла о целях каждого из своих романов и вдобавок предвидела, что «широкая американская публика никогда не увидит в этих повествованиях того, что, как я горячо на-

деюсь, они содержат. Возможно, лес за этими деревьями не заметят никогда. К этому я привыкла. В «Симарроне» я изложила сюжет, назначением которого было показать триумф материализма над духом в Америке, и я его показала, но, возможно, проявив при этом излишнюю сдержанность. У большинства закрепилось представление о нем как о романтическом вестерне, отчего мое сердце обливается кровью, хотя роман и был распродан десятитысячными тиражами».

И словно в надежде на вечное пламя, она добавляет: «Ну разве что после моей смерти».

В 1968 году, после кончины Фербер, некая Эта Кицмиллер оценила потенциал всей интеллектуальной собственности писательницы на предмет продажи телевидению. Ей казалось, что сюжет и персонажи романа обладают явной притягательностью. «Здесь более чем достаточно материала, — заявила она, — для продолжительного сериала, причем большая его часть — эпизоды с индейцами и нефтяными нуворишами — еще не успела примелькаться на телевидении... Думаю, эта книга таит в себе немалые возможности».

С появлением новой электронной книги и переиздания в печатном виде спустя сорок три года эти возможности у «Симаррона» определенно по-прежнему есть.

Джулия Гилберт

От автора

Из описанных в этой книге событий лишь наиболее удивительные и невероятные являются правдой. Это вовсе не попытка педантично изложить историю Оклахомы. Все персонажи, города и многие факты, фигурирующие здесь, — плод воображения. Но я надеюсь, что благодаря чтению имеющихся скудных записей, документов и исторических источников (в том числе из собрания Исторической библиотеки штата Оклахома), а также в ходе множества разговоров с мужчинами и женщинами, живущими в этом штате с того дня, как он был открыт для заселения, мне удалось отчасти уловить дух, колорит, динамику, особенности жизни этого поразительного сообщества. Безусловно, такие эпизоды как Гонка, воскресное молитвенное собрание в палатке, отведенной под игорный притон, смерть Исайи и Ариты Красное Перо, погоня за жестянкой с нитроглицерином, многие перестрелки, большинство описаний, все моменты с нефтью и материалы по индейцам племени осейджей полностью основаны на реальных событиях. Во многих случаях материалы, правдивые до последнего слова, отметались как непригодные только потому, что их предельная мелодраматичность и абсурдность смотрелась бы слишком странно в художественной литературе.

В штате Оклахома нет города Осейдж. Его образ составлен из, пожалуй, пяти существующих оклахомских городов. Под Кидом не подразумевается скандально известный Билли Кид более ранних времен. Не было и никакого Янси Крэвата — в нем воплотились несколько ярких фигур из прошлого и настоящего Оклахомы. Сабры Крэват тоже нет, но она существует в виде десятков ясноглазых, седовласых, на редкость интересных женщин лет шестидесяти пяти, от которых я услышала много странного и удивительного, пока мы болтали, посиживая в качалках на оклахомских передних верандах (теперь уже затененных деревьями).

В Оклахоме может произойти что угодно. В сущности, в ней произошло все.

Эдна Фербер

Глава 1

Все Венаблы сидели за воскресным обедом. Привлекательные, с по-родственному схожими лицами, они завороженно смотрели на Янси Крэвата, который в тот момент говорил. Несмотря на всю яркость, как при накаливании, Янси Крэват не ослеплял. Словно солнце среди малых планет, он излучал сияние столь мощное, что затмевал блеск своего окружения.

У Янси имелась обескураживающая привычка внезапно заканчивать трапезу — по крайней мере, свою, — бросив салфетку сбоку от тарелки, поднявшись и принимаясь вышагивать по комнате, а то и покинув ее. Эта неучтивость не была намеренной. Ел он мало. Насытившись, он по наитию прекращал прием пищи, у него пропадало желание смотреть на еду, а Венаблы засиживались за столом: часами лущили миндаль и потягивали херес; кузен Дабни Венабл чистил апельсин для кузины Бэллы Френч-Вьян с углубленной сосредоточенностью скульптора, придающего форму глине.

Обедающие Венаблы странным образом напоминали одно из полотен с наименее духовными библейскими сюжетами, что горделиво красуются на стенах знаменитых галерей Европы и, вопреки приличиям, изображают плодовитые семьи, вольготно раскинувшиеся за столом.

Их наряды были достаточно скромными, в духе времени: 1889 год — и места: штат Канзас, но казалось, будто их изящные плечи окутаны пурпурными и алыми одеяниями. Никто бы не удивился, увидев бесшумно снующих вокруг этого стола чернокожих нубийцев в набедренных повязках, с высоко поднятыми золотыми блюдами, полными экзотических плодов или затейливой снеди, в коей заметное место отведено соловьиным язычкам. Собственно говоря, чернокожие и впрямь перемещались вокруг стола Венаблов — правда, в обычной одежде прислуги.

Эта ветвь фамильного древа Венаблов была пересажена из Миссисипи в Канзас более двух десятилетий назад, но Среднему Западу не удалось наложить на нее свой буржуазный отпечаток. В этом доме, в каких бы стесненных обстоятельствах он ни пребывал, каким-то генеалогическим чудом все еще обретались многие из очаровательных, отдаленно ориентальных обычаев, которые на самом деле являлись достоянием Юга, откуда произрастала семья. Полуденные трапезы большей частью становились подобием племенных пиршеств с участием целой оравы неимущей родни, таинственным образом слетающейся на звон гонга и запах запеченного мяса. Невольные эмигранты, разоренные войной, Льюис Венабл и его жена Фелис, привезли с собой в изгнание милые их сердцу привычки — наряду с великолепным овальным столом красного дерева, за которым они сейчас сидели, и спасенным от войны столовым серебром, что добавило элегантности городку Уичито в штате Канзас. Разумеется, при перевозке красное дерево пострадало, а многие из южных обычаев, пересаженные на канзасскую почву, казались бы глупыми, если бы не выглядели столь трогательно. Горячие хлебы Юга, высокой горкой подававшиеся к каждому застолью, все еще вызывали настоящую бурю в желудке. Сковорода

и фритюрница (обе, вероятно, не менее всего прочего повинные в трагедии 1964 года) в этом доме все еще учиняли смертоносный обстрел. И в самом деле, бледность лиц Венаблов женского пола, в юности напоминавших лепестки магнолии, но в среднем возрасте явственно тяготевших к охристому оттенку, объяснялась не столько пигментацией, сколько не вполне здоровой печенью. Какой бы малообеспеченной ни была сейчас семья, трое или четверо слуг-негров ходили по дому — ступавшие неслышно, неторопливые, предупредительные. «Позвольте вашу шаль», — услужливо произносили они бархатным голосом, стоило гостям войти в просторную прихожую, поражавшую своей несуразностью и захламленностью. Или предлагали: «Взбитого печенья, мисс Аделина?» — и протягивали благоухающее блюдо.

Даже сад в Канзасе происходил из иных широт. Поджарые гончие дремали у залитого солнцем необтесанного порога, и эту неотесанность скрадывало и преображало чудо красок и запахов распустившихся цветов. Здесь были и страстоцвет, и глициния, и даже бугенвиллея по сезону. Жимолость источала головокружительную сладость. Ранней весной ландыши пробивались нежно-зелеными копьями сквозь сухие бурые прутья сирени. Бесцеремонного выскочку, канзасский подсолнух, Венаблы презирали. Стоило его круглой физиономии показаться среди благоухающих щеголей этого сада, как его постигало незамедлительное обезглавливание. Известно, что в одном таком случае Фелис Венабл испортила ножницы для рукоделия из прекрасной закаленной стали, скоропалительно взяв на себя роль палача. От нее слышали даже жалобы на отсутствие испанского мха в этом северном климате. Одну из соседок, типичную на Среднем Западе мать семейства, это раздосадовало и оскорбило.

— Но ведь он паразит! Я от него чуть со страху не померла. Бывала в Южной Каролине, видела его там. Вроде как в воздухе висит, точно призрак. И толку от него ни на грош.

— Неужели в Канзасе даже цветам полагается быть полезными? — растягивая слова, отзывалась Фелис Венабл.

В среде хлопотливых хозяек из Уичито особым успехом она не пользовалась. Их раздражали ее струящиеся белые шали с оборками из узорчатого канифаса, ее остроносые шлепанцы, ее высокий подъем, ее равнодушие ко всему происходящему за пределами живой изгороди, окружающей двор Венаблов; раздражала и сама живая изгородь, символ замкнутости в открытом канзасском городе. За бархатной томностью Фелис Венабл скрывалась кинжальная острота ума, доставшегося ей от французских предков, старинного семейства Марси из Сент-Луиса, почти столетие назад торговавшего пушниной в Миссури. Метка Марси была видна в черноте ее все еще густых волос, в изгибе бровей над темными глазами и в самих глазах, таких живых на бесстрастном лице.

Пока семья сидела за полуденной трапезой, становилось ясно, что если два десятилетия, прожитых на Среднем Западе, почти не сделали менее протяжной речь и не ускорили движения Льюиса Венабла и его жены Фелис (они по-прежнему добавляли слово «все», говоря о ком-либо во множественном числе; они взывали к божественной милости; названием восемнадцатой буквы алфавита для них навсегда должно было остаться «ах»), то молодое поколение семьи за этот же срок изменилось весьма значительно. Они расселись за длинным столом: сыновья и дочери, зятья и невестки, внуки и более дальние родственники — такие как приехавшие в го-

сти племянники, племянницы и кузины, отпрыски этого разветвленного семейства. Когда члены этого общества, выросшие севернее, отзывались возгласами на услышанное, становилось ясно, что их гласные не столь протяжны, речь в целом более отрывиста, повороты головы и жесты не столь свободны и неспешны. На всех этих лицах прослеживалось сходство. Возможно, его подчеркивало одинаковое для всех выражение, с которым сейчас они слушали то, что говорилось.

Стоял конец мая, не по сезону жаркий для такой высоты над уровнем моря. И конечно, этой весной первой напастью стали мотыльки и майские жуки. Прямо над столом, довольно высоко, на узкой доске, подвешенной к потолку на шестах, пристроился Исайя, маленький чернокожий мальчик. Одной рукой он цеплялся за боковые подвесы своего ненадежного насеста, в другой держал опахало от мух — перистые ветви спаржи из рано зазеленевшего сада. Тихий шорох опахала, которым он взмахивал, служил непременным сопровождением к музыке звучного голоса Янси Крэвата. Уцепившийся таким образом на высоте чернокожий мальчик выглядел обезьяноподобным потолочным ангелом Рафаэля. Его круглая голова, поросшая мелкими плотными, похожими на каракуль, завитками, сквозь которые проглядывала чернота кожи, была проказливо наклонена, чтобы лучше слышать слова, слетавшие с губ оратора. Взгляд вытаращенных от возбуждения глаз был прикован в экстазе к внушительной фигуре расхаживавшего туда-сюда Янси Крэвата. Мальчишка, очарованный так, что его рука то и дело замирала, напрочь забывал о том, что ему поручено приводить в движение сочно зеленеющим веером жаркий влажный воздух над уставленным яствами столом. Под нетерпеливо обращенным вверх взглядом быстрых чер-

ных глаз Фелис Венабл вкупе с резким и укоризненным «И-и-исайя!» он опять принимался усердно размахивать ветками, пока вновь не останавливался, завороженный.

В этом пережитке феодализма из Миссисипи Венаблы не усматривали ничего неподобающего. Десятки предшественников Исайи сидели подобным образом, разгоняя воздух, чтобы поколениям миссисипских Венаблов было приятнее есть, пить и беседовать. Поначалу в Уичито это явление созерцали с ошеломленно разинутыми ртами, и даже теперь, по прошествии двадцати лет, оно по-прежнему служило предметом досужей болтовни местных языков.

Янси Крэват говорил. Он говорил уже чуть ли не целый час. В то самое утро он вернулся из Оклахомы — недавно открытой для заселения Индейской территории, где участвовал в Гонке, ознаменовавшей освоение обширного участка нетронутой земли, в просторечии известного как Страна. И теперь, пока он говорил, на лицах остальных отражалось жадное восхищенное внимание любителей саги. Должно быть, с такими лицами слушали Ясона и Одиссея и так же выглядела восторженная толпа, обступившая Франсиско Васкеса де Коронадо — до того, как стало известно, что его поиски Семи городов Сиболы оказались тщетными.

Мужчины за столом подались вперед, довольно свободно переплетя пальцы рук, опущенных между коленями или лежавших перед ними на скатерти, отодвинули тарелки от себя, а свои стулья — от стола. Время от времени вдоль линии какой-нибудь из мужских челюстей вдруг вспухал твердый белый бугор желвака. Они смотрели глазами мужчин, следящих за игрой, в которой они охотно приняли бы участие. Женщины слушали чуть испуганно, приоткрыв рты и шикали на детей, когда

те ерзали или хныкали, а если это не помогало, с нежным и в то же время укоризненным шлепком отправляли их играть в залитый солнцем палисадник. Порой женская рука хозяйским, напоминавшим жестом дотягивалась до предплечья или кисти сидящего рядом мужчины. «Я здесь, — говорило пожатие этой руки. — Твое место рядом со мной. Не надо так слушать его. Не верь ему. Я твоя жена. Я надежность. Я уверенность. Удобство. Привычка. Условность. Не надо так слушать его. Не надо так смотреть», — но мужчина стряхивал эту руку — не грубо, а с рассеянной досадой.

В этом кружке лиц, зачарованных повествованием, разворачивающимся сейчас перед ними, выделялось, сияя как пламя, лицо Сабры Крэват, сидевшей за столом и державшей на коленях малыша Сима. Как и у ее матери Фелис Венабл, кожа у Сабры была определенно оливковой, однако лицо будто светилось белизной, пока она слушала, как разворачивается удивительная, невероятная и чуточку нелепая история в исполнении ее мужа. В ней, как и в ее матери, чувствовалось наследие французских пионеров Марси. Ее густые волосы были черными, как и глаза, выразительные брови выгибались дугами, как парные ятаганы, висящие над камином в комнате, где принимали гостей. Втайне Сабра стыдилась своих широких бровей и не могла удержаться, чтобы не разглядывать их укоризненно в зеркало, проводя указательным пальцем (предварительно слегка послюненным) по их собольим изгибам, а в остальном чувствовалось что-то скорее новоанглийское, нежели южное, в ее прямом взгляде, быстром повороте головы, порывистой речи и манерах. В Сабре Крэват, вышедшей замуж в шестнадцать, ныне достигшей двадцати одного года от роду матери четырехлетнего мальчика, все еще влюбленной в своего коло-